
Роман РАЗЖИВИН

РАБОТЯГИ НА ГРАНИ ВЕЧНОСТИ

Рассказ

«Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку... Антошка, Антошка, пойдем ко...»

— А?! Шесть сорок?! Да твою ж... снова. Хоть бы еще десять минут, а...

Дождик аккуратной дробью тактично намекал на очередное пасмурное утро, во дворе многоэтажки уже гудела мусороборочная машина. Тусклым стоп-кадром фильма про супергероев перегретый ноутбук освещал неровные бугры теплого одеяла, под которым ворочался тот, кто ненавидел вставать рано.

«Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку... Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку...»

— Господи, да кто вообще придумал вставать в такую рань. Еще и дождь. Очередной. Хреновый. День...

...Вывеска «*ВТОРАЙ» подмигивала неонам не спящим темным утром петербуржцам. Автомобильной путаницей рождалься дождливый день на окраине города.

— Здорово, Михалыч, как ночь? — послышалось из туманной мороси в сторону будки охранника.

— Да все путем, тишина, а кто это? — Михалыч, прячась в древний бушлат, выполз из будки на звук голоса. — А... Антоха, ты, что ли?

— Я-я.

— Натюрлих? — Михалыч протянул руку Антону. — Что-то рановато для тебя. Не проспал сегодня?

— Да еле-еле от постели себя отодрал, — Антон протянул руку в ответ.

— Эвона как. Дождь вон.

— Да ты уж шлагбаум-то не открывай, я не на колесах, — поежился от сырости Антон и натянул посылнее капюшон промокшей кофты.

Роман Владимирович Разживин родился в 1993 году в г. Костроме. Финалист и победитель конкурсов «Литературные резиденции», фестиваль им. Л. И. Ошанина, премия им. А. И. Левитова, премия «Восхождение», «Хрустальный родник», Международный конкурс им. А. Н. Плещеева, «Яблочный Спас», «Всероссийская лаборатория молодых авторов», «Братья по духу» и др. Публиковался в журналах «Наш современник», «Дон», «Нижний Новгород», «Литтегатура», «Формаслов», «Новый Орел + XXI век», «ЕЖ», «Русское поле» и сборниках «Солнечный круг», «Кострома», «Братья по духу», «Яблочный Спас», «Сборник семинара им. В. И. Белова». Живет на Алтае.

— Привыкай, Антоха, — сплюнул Михалыч и вытянул из кармана сигарету. — Что, присмотрел себе ласточку-то?

— Ну присмотрел.

— Хорош. А машину? — прыснул со смеху Михалыч, словно только что случилась лучшая в его жизни шутка.

— Да ну тебя! Ключ от цеха гони.

— Да там Саня уж своего «опеля» конопатит.

— Во дает, ну ладно.

Запах терпкого кофе, крепкая матерщина и звуки тяжелого рока всегда являлись неотъемлемой частью работы слесарного цеха. Внутри этой гремучей смеси Антон ощущал себя на своем месте, как «пистолет» в бензобаке. Звон гаечных ключей терялся в потоке энергичных ритмов, поддерживающих сонных механиков и автоэлектриков в вертикальном положении. Так было обычно, но не сегодня. На подъемнике старый «опель» дрожал от экспрессии хозяина, держащего в руках кувалду. Бам! Бам! От пуза «опеля» отвалилась ржавая железка и звякнула о бетонный пол. Бам! Бам!

— Эй, Саня!

Бам! Бам!

— Саня! — Антон двинул кулаком в боковину «опеля».

— А?! Ты чего руки распускаешь? Машину мне помнешь! — вынырнул Саня из-под подъемника с кувалдой в руках.

— Ты спал вообще? Ты тут со сколько?

— Да с шести. На холостом ходу глохнет, зараза, представляешь?

— А кувалда тебе на кой?

— Для аэродинамики!

— Ясно.

Бам! Бам!

Шагая по масляным лужицам, Антон прошел в самый конец цеха, где располагалась уютная каморка диагноста-электрика. Он небрежно сбросил мокрую кофту на ящик с ветошью и занял привычное кресло. Никогда не выключавшийся на рабочем столе компьютер вышел из спящего режима и тут же продемонстрировал хозяину красочную фотографию новенькой «тойоты».

— Не бита, не крашена, новая, как младенец, — пробурчал себе под нос Антон.

Бам! Бам!

— Саня, — послышалось из-за стенки, — ты пошто «опеля» обижаешь?

— Для аэродинамики, босс!

— Ясно, дубина этот где?

Бам! Бам!

Антон усмехнулся и откинулся на кресле, уронив взгляд на барахтающегося паучка, бросившего тонкую нить от дверной ручки к полу. Он словно боялся опуститься на пол и крутился в нерешительности, пока дверь с силой не распахнули. Паучка унесло в сторону. В каморку, блистая гладкой лысиной, ворвался разъяренный директор с бумагами в руках.

— Ты что клиенту приписал?! Замена генератора?! Ты рехнулся?!

— Я...

— Головка от копыя! — директор швырнул бумаги на стол Антона. — Мы думать-то когда будем, Антоша?

— Я уверен, что там генератор...

— Антоша, — директор склонился над столом, Антон почувствовал аромат пены для бритья от его лысины, — знаю я, как ты думаешь, думает он... ты у нас диагност? Вот и диагностируй! А думать потом будешь, понял меня?

— Понял...

— Клиент в другом сервисе был, бумаги вон посмотри. Сегодня вернется. Только попробуй допустить ошибку.

Директор, хлопнув дверью, исчез так же стремительно, как и возник. Паучок вместе с дверью вернулся на исходную позицию, боясь теперь не только слезть на пол, но и вообще пошевелиться.

Бам! Бам!

— Не бита, не крашена... — повторил Антон, посмотрев в монитор. — Саня!

— Ай?

— Дело есть!

Раздался звон, означавший, что Саня с радостью отбросил кувалду и помчался в камеру диагноста. Дверь распахнулась, паучка унесло в сторону.

— Ну чего там? — спросил Саня, шмыгнув носом.

Антон помедлил, глядя в то место, где секундой ранее висел паучок, и сочувственно помотал головой.

— Тачку видишь? Посмотреть надо.

— Ну так смотри, а я чего?

— Твоя на ходу?

— Ну говорю ж, на холостом глохнет.

— Да ерунда. Погнали.

— Куда погнали? — по-орлиному взмахнул Саня руками.

— В Комарово.

— Так Лысый уже... — Саня перешел на шепот и мотнул головой в сторону двери.

— Да пошел он, Лысый этот, — Антон на шепот переходить даже не думал. — Ну чего испугался-то? Откуда этот страх в глазах, Саня?

— Да успокойся ты, работы полно, — махнул Саня рукой и отвернулся к подъемнику.

— Эх ты, работяга, — махнул рукой Антон и отвернулся к монитору. «Новая, новехонькая», — подумал он следом и уронил взгляд на приклеенную к уголку монитора фотографию темноволосой улыбающейся девушки. Он смотрел и улыбался ей в ответ, пока позади не заиграла тяжелая музыка. Звуки голосов ударялись о занавес мыслей Антона. Крепкая матерщина тоже не заставила себя долго ждать, и уже через несколько минут механик Леха с содействием такой-то матери бортировал колесо «фольксвагена». Хлопнула дверь в конце цеха. Это была единственная чистая дверь на весь автосервис, здесь ее называли «офисная дверь», ведь за ней трудились те, кто имел возможность носить чистую одежду и маску важности на лице. Остальные же облачались в грязные со вчерашнего дня комбинезоны и, вкушая бензиновые пары, с рассвета до заката боролись за жизни автомобилей. Низкое прерывистое гудение подъемника заставило Антона улыбнуться и обернуться на приоткрытую дверь. В дверной проем сунулся Саня.

— Слышь, работяга, погнали в твое Комарово, Лысый свалил куда-то.

— Погнали.

Уже через пять минут двое работяг на потрепанном «опеле» под удивленный взгляд Михалыча покидали пределы автосервиса. Через семь минут в полном безмолвии они свернули на неожиданно пустой, но жутко мокрый проспект Королева, откуда попали на Коломяжский. А уже через пятнадцать минут «опель» легонько помахивал

дворниками и мчал по серой глади Приморского шоссе, рассекая светом фар стоячую морось. Кратковременное путешествие в самое сердце курортной жизни Ленинградской области должно было немного взбодрить коллег, но еле видный за облаками рассвет тянул их обратно в полусонное состояние. В такт хмурым петербургским кочкам послышалось: «Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку... Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку...» Безмолвие нарушено, достоинство уколото. Антон вздрогнул, но раскатистый смех Сани уже лег поверх любого оправдания.

— Да будильник, блин, отключить забыл.

— «Антошка»?! Серьезно? — продолжал смеяться Саня, не отвлекаясь от дороги.

— Ну бывшая поставила, — буркнул Антон, безуспешно пытаясь унять будильник. — Да что ж он не отрубается?

— Бывшая? Ха! А у тебя, значит, духу не хватает убрать? Дело ясное, Анто-о-о-шка, Анто-о-о-шка, — залихватски фальшивя, затынул Саня.

Антон кое-как справился с телефоном и устало прильнул к окну. Из тумана тянулась бесконечная бетонная стена. «Все будет хорошо» — успел разглядеть пронесшуся мимо черную надпись Антон.

— А у тебя деньги-то на тачку есть уже? — спросил Саня, вдоволь насмеявшись.

— Нет.

— И где возьмешь?

— Банк ограблю.

— Ха! Антоха, взять кредит и ограбить банк — это разные вещи.

Антон ничего не ответил, протер запотевшее окно.

— Хотя... — продолжил Саня и включил левый поворот. — Открой бардачок.

Антон нехотя открыл.

— Диски подыми.

Антон приподнял диски, на верхнем успел прочесть: «Прокачай свои нейронные связи!»

— Видишь, колготки лежат, жена оставила. Для ограбления же ничего больше не надо?

— Да ну тебя! — захлопнул Антон бардачок.

— Ха-ха-ха! — хлопнул по рулю Саня. — Да чего ты, они новые!

Дорога грязным изгибом приобняла угрюмый лес. Солнце над тучами еще не успело подняться, а внизу, под тучами, казалось Антону, уже начало темнеть. Дождь усилил натиск, «опель» не сдавался и шел вперед вопреки непогоде, будто брал разбег для взлета.

— Хату я продал в Костроме, вот оттуда и деньги.

— М-м, — промычал Саня, словно это ему уже давно неинтересно, и потянулся к радиоприемнику. Радио зашипело на выдуманном языке, пока Саня не выставил нужную частоту.

«...Президент США вновь упал со ступенек, об этом сообщила пресс-служба...»

— Пфф, — фыркнул Антон.

— Чего?

— Да ничего. Саня, да достало уже это все!

— А, это... — Саня кивнул в сторону радиоприемника.

— Да я не про него. Достало постоянно слушать, что кругом одни дураки, только не у нас.

— А разве там не дураки? — Саня дал резкий правый поворот.

— Ну, дураки, конечно. Просто слушать об этом уже достало, понимаешь?

«...В Санкт-Петербурге и области ожидается мокрый снег, шквалистый ветер и...»
Радиоприемник захлебнулся.

— И полная ж...! — продолжил Антон мысль радиоведущего и выключил приемник. — Как и всегда в этом городе.

Картина за бортом стремилась подтвердить слова Антона. Кусачие порывы ветра кидались на «опель», как дворняга на сосиску.

— Ну вот ты мне скажи, что, там, в Америках этих, совсем ничего хорошего нет? — еще не отошел от прошлой темы Антон.

— Ну... есть, конечно. Вот Лысый, например, собирается подъемник американский в цех поставить.

— Я малость о другом говорю...

— Только это очень плохая затея, скажу я тебе, — не слушая Антона, продолжал Саня.

— Почему? — перескочил Антон на траекторию мысли коллеги.

— Ну... как бы это сказать, — помедлил Саня, совершая плавный поворот. — В общем, не выдержат их подъемники нашего государственного строя.

— Ты про демократию?

— Я про раздолбайство.

Антон хмыкнул.

— Представь, что тебе надо машину поднять, а у тебя сломался подъемник. Клиент ждет, деньги висят, начальство орет. Что делать будешь?

— Возьму и почию, ясное дело.

— Вот! С этого все и начинается. А их подъемники к такому не привыкшие. У них бы ты заявку составил на ремонт, позвонили бы определенному человеку, этот человек полетел бы через полстраны в твой хренов «Авторай», чтобы подойти к твоему подъемнику и вставить вилку в розетку. А ты, — Саня ткнул пальцем в Антона, — все это время, пока он ездит, будешь сидеть и курить. И тебе еще и денег дадут за моральный ущерб, что, мол, без работы сидел, переживал.

— Да вроде неплохо звучит, разве это не порядок называется?

— Это, Антоха, называется абсурд. Такой порядок работает только в кино, где весь сценарий заранее прописан и все одно к другому стыкуется. А в жизни все внезапно, кучей и одно за другим, что только расхлебывать успеваешь.

Саня дал газу и обогнал по встречной полосе вялую «газель». Красочный орел на боковине «газели» проводил Антона жилистыми крыльями. Антон потрогал ремень безопасности и продолжил:

— А разве не здорово, когда каждый отвечает за свое?

— Человек должен уметь все, Антоха. Если один умеет только подметать, а второй мыть полы — это роботы, а не люди.

— Слушай, я на той неделе пять магнитол поставил, а это что, моя работа? Они вешают на меня, на тебя тоже вешают, на свои обязанности вообще времени не остается. А новых, сам знаешь, не берут никого, экономят.

— А тебе какая разница, экономят или не экономят? У тебя есть работа — делай. Тебе жизнь предоставляет возможности, а ты ноешь. Ты за неделю столько всякой фигни новой сделаешь, что им там даже за всю жизнь не приснится. Ты только подумай, ты же ко всему готов! Ты умеешь решать сложные задачи — это, по сути, и есть твоя жизнь. Если жизнь становится одной сплошной сложной задачей, то она в конце концов перестает быть сложной, потому что это и есть вся жизнь, понимаешь? Ты уже внутри этого сложного найдешь что-то полегче, но в целом ты будешь готов хоть

к ядерному взрыву, хоть к нападению инопланетян. А они там к чему готовы? К выходу нового айфона?

— Саня, а на хрена вообще быть готовым к нападению инопланетян? Ты вот не думал об этом?

— Да это же образно, подставь вместо инопланетян, например... — Саня пощелкал пальцами. — Да и какая разница, кто за что отвечает? Все в одном цехе трудимся, общее дело делаем, и все общее.

— Ага, слышал я эти байки, так колхозы погорели.

— У-у-у, Антоха, давай лучше не надо, — Саня замахал руками, словно ему предложили пюре без котлеты, — молод ты еще.

Антон с надеждой взглянул в окно, но знал, что ничего утешающего там не увидит, но так он хотя бы мог не смотреть на то, что Саня слишком часто отпускает руль.

— Сань, так я ведь не о том. Я предлагаю от них только самое-самое хорошее взять, понимаешь? Порядок их, а строй наш.

— Да их порядок загнется у нас через пять минут.

— Ну вот скажи, было бы у них такое, что директор на починку вывески денег выделить не может? У нас буква «А» уже полтора года не горит. Полтора года, Саня!

— Да и не надо ее чинить. Нас по ней клиенты узнают. Надо уметь подстраиваться под обстоятельства, а еще уметь подстраивать обстоятельства под свои нужды.

— А может, ты просто наслушался... радио?

— Ну, приплыли. Антоха, ты хочешь в том порядке жить, где один механик подает в суд на другого за то, что тот не признает его бутылку колы небинарной личностью? Давай-давай, ага.

— Да елки-палки! Ты меня вообще не слышишь... Ты же сам говоришь, что у нас раздолбайство, так что в этом хорошего?

— Пойми ты, что наше раздолбайство — это наша свобода от их тесных рамок. Это наша сво-бо-да! Ты вообще в курсе, что мы в рабочее время свалили на курорт?

— В курсе.

— Ну и все, мозги мне не конопать. С их порядками ты бы так смог? Да тебя бы уже в тюрьму посадили. Мы, Антоха, не музыканты, не артисты, не актеры и не писатели, но живем мы творчески! Понимаешь?!

— Руль держи.

— У нас без смекалки даже за хлебом не сходишь. Здесь лужу перепрыгнул, там арматуру обошел, под сосульку не попал, до работы добрался.

— Саня, руль возьми.

— А смысл, как робот, по одной траектории ходить, по дурацким рафинированным газонам, по ровным дорогам? На кой нам их пандусы-хряндусы? Слыхал, что наши параолимпийцы снова всех уделали? А знаешь почему? Не потому, что тренируются, а потому, что за хлебом по России ходят!

— Саня, руль.

— Мы сильнее, Антоха, сильнее всех на свете! А они пусть дальше в комфорте утопают, куда их это приведет? К общенациональной деградации, как физической формы, так и морально-волевой. А самое главное знаешь что?

— Что?

— То, что мы *живые!*

— Хочу и дальше оставаться таким, руль возьми.

— И мы всегда можем друг с другом договориться. Можешь ты договориться о чем-то с человеко-роботом? Можешь?

— Саня, блин, я даже с тобой договориться не могу!

— Вот именно. С ним ты договоришься только о том, что в его компетенции. А наша компетенция — это вся жизнь, нас окружающая, и самое главное, что... так, погоди, — Саня залез рукой в карман, достал телефон и дважды ткнул пальцем мимо зеленой трубки на экране, на третий раз он ткнул куда следует. — Да, доча? Я за рулем. Мы с дядей Антоном едем по делам, помнишь его? Да я одной рукой держу. Хорошо-хорошо, — Саня сбавил скорость. — Пусть мама позвонит, я вас после работы заберу. Пока-пока.

Саня убрал телефон и вновь разогнал своего верного «опеля».

— Сань, ну про пандусы ты, наверное, все-таки загнул немного, — вяло заключил Антон.

— Какие пандусы?

— Да никакие, забей.

Средь облаков показалось тусклое белое свечение, напомнившее Антону вкус какао в детском саду. Шум дождя отстал от «опеля», Саня позволил дворникам прилечь, Антон приоткрыл окно. Влажный сосновый воздух и запах мокрого асфальта вежливо и умиротворяюще проскользнули в мир работяг. Антон откинул спинку пассажирского сиденья.

— Блин! — Саня хлопнул по колену и резко повернул направо. — Заболтал ты меня. Мы ж слева от железной дороги едем, а нам туда надо.

— Да ладно, — Антон махнул рукой. — Встанешь возле железки, а там уж пешком.

— Ладно... — Саня набрал скорость. — Хорошее нам, Антоха, не там искать надо, а здесь, у нас. В себе искать хорошее, чтобы детям это хорошее передать. Понимаешь? Чтобы они могли тоже... Да куда он прет? — машину качнуло вправо, Саня взмахнул рукой и злобно взглянул влево. — Односторонняя же?! Ох... Вот ведь дятлы за рулем... Короче, это... Чтобы они могли тоже это хорошее искать и видеть. В них наше будущее, на них наша надежда, а иначе все пропало, Антоха. А потом, когда взрослыми станут, сами будут искать хорошее там, где хотят. Блин! Да откуда они все? — Саня вдарил по сигналу. — Где прав накупали, бараны?

— А, ну я так и думал, — приподнялся Антон.

— Что?

— У меня для тебя плохие новости. Это не они едут по встречке.

— Блин!

Саня поддал газу, чтобы поскорее перевернуть эту позорную страницу водительской биографии. Через минуту «опель» подъехал к безлюдной железнодорожной станции и остановился на обочине.

— Мне надо покурить, посиди пока.

— Угу, — коротко промямлил Антон и, поудобнее устроившись на горизонтальном сиденье, прикрыл глаза.

Если не знать обманчивости петербургской погоды, то именно сейчас могло бы померещиться солнце. Многослойные тучи делали вид, что выпростали свои дождевые закрома и полчищами шли «за бугор», но на смену им приходили новые, намекая на то, что для природы не существует наших и не наших. Вместе с воем ветра по округе разнесся трезвон станционной сирены, оповещавший о скором прибытии поезда.

— Знаешь, Антоха, что действительно странно? — хлопнул дверью Саня и впустил в салон машины клуб табачного воздуха. — Мы уже почти час колесим, а еще никто ни разу не пошутил про «на недельку до второго».

Друзья двинулись в путь, уже через минуту за окном показался пешеходный переход через железную дорогу.

- Антоха, а тут стоять нельзя. Выскочишь?
- Да рвани ты прямо через переход на ту сторону, нет же никого, а?
- Ага, сейчас, умник нашелся, чтоб нас поездом, как в кино, размазало? — ответил Саня и покрутил головой.
- Ладно... — устало прошептал Антон, отстегнув ремень безопасности. — Выйду. Эй, ты чего?!
- Антон почувствовал рывок «опеля» и схватился за ручку на потолке.
- Саня, блин, я ж пошутил, але!
- Да ладно, один раз сегодня уже нарушил, — резко сбросил скорость Саня. — Почему бы не проехать пару метров по железке? Тут две тачки спокойно поместятся.
- «Опель» плавно подкрался к деревянному помосту, предназначенному для пешеходов, и аккуратно переехал через первые рельсы.
- Видишь, никого, почему бы немного не похулиганить?
- Ты же слышишь сирену, да? — спросил Антон, не отпуская ручку, словно она могла ему как-то помочь.
- Да это ерунда, — Саня подался вперед, сосредоточенно вглядываясь в грядущие рельсы, — они врубают ее за пятнадцать минут до «Ласточки».
- Или «Аллегро».
- «Аллегры» не ездят. Санкции.
- «Опель» грузно перевалился передними колесами через рельсы.
- Саня?!
- Не заглохнем.
- Легким дрожанием чувствовал Антон нарастающую тревогу и, словно готовый бежать, немного приподнялся. Он огляделся по сторонам. «Какие-то два метра назад — и там все спокойно, — подумал он, — два метра вперед — и там тоже все спокойно». Антону было невыносимо даже несколько секунд находиться на траектории смерти. Он вспомнил, как в детстве они с друзьями клали на рельсы пробки от лимонада.
- «Опель» вздрогнул.
- Заглохли.
- Блин! Саня?!
- Да не паникуй, сейчас выедем.
- В тишине неработающего мотора сирена волчьей хваткой вонзилась в уши работяг. Держа руку на дверной ручке, Антон стал вновь озираться по сторонам. Ритмичным стрекотом двигателя сопровождалась каждая попытка Сани завести автомобиль.
- Да какие ж тут шутки, Антоха? — словно угадывая утешительные мысли коллеги, ответил Саня. — Здесь никаких шуток.
- Саня, блин, я таким серьезным тебя никогда не видел.
- Саня взглянул мимо Антона, туда, откуда возник мощный прожектор скоростного поезда. Антон понял это по взгляду Сани и даже не обернулся.
- Твою ж так... прямо на нас прет.
- Саня!
- Да не ори ты!
- Дверь разблокируй!
- Антон толкнул дверь. Саня словно не слышал Антона и продолжал заводить «опель».
- Дверь, Саня!
- Голос Антона слился с гулом сирены и грохотом приближающегося поезда. Антон кинулся к водительской двери, рухнув на Саню.
- Да не мешай ты!

— Дверь!

Антон цеплялся руками за замок, а Саня отталкивал его обратно и бил ногой по педали газа.

— Да заводись ты!

— ...!

— Заводись!

Саня раскачивался взад-вперед, словно хотел столкнуть «опель» с места, как детскую качель.

— Мы же успеем, да?! — срывающимся голосом крикнул Антон и взглянул в окно. — Успеем?!

Безразличный к чужим бедам луч света, словно маяк иного мира, с каждой секундой становился все ближе.

— Успеем! — крикнул Саня. — Еще куча времени!

«Еще куча времени, так не бывает, еще куча времени», — думал Антон и на всякий случай искал в себе хоть чуточку храбрости, чтобы встретить последний миг достойно. Поезд загудел, Антон мотал головой, отказываясь верить в происходящее. «Вечером я буду рассказывать об этом друзьям, надо только пережить, надо только пережить... два метра — и так безопасно», — судорожно пронеслось в мыслях.

— А-а-а! — Саня всадил кулаком по стеклу.

Гудок прозвучал словно над ухом.

— А-а! Саня! — Антон обхватил себя руками и закрыл глаза.

«Он точно остановится, это не скоростной поезд, он точно остановится», — последнее, что успел подумать Антон.

Сквозь грохот, разрывающий пространство, «опель» могучим броском, словно на крыльях, вынес работяг на ту сторону, где царствовал покой. Антон все еще обнимал себя, трясся и не мог открыть глаза. Саня впервые за весь день сжал руль так крепко, что на лбу вздулись вены. Тишина тяжелым молотом обрушилась на округу. Все застыло.

— Сань, — шепотом, пытаясь отдышаться, произнес Антон, — а ты... ты что дверь-то... не открыл?

— Не знаю.

— Ну ее, эту тачку, — Антон потер лоб. — Погнали вдоль залива... а?

— Погнали... — также шепотом ответил Саня.

Влажная пыль лихой кручей взметнулась из-под колес, машина рванула навстречу бескрайним просторам. Мощный солнечный луч разрезал толщу облаков и окутал «опель» долгожданным теплом. Каждый хотел сказать что-нибудь, но слова застряли в горле. От стыда за испытанный страх Антон не смел взглянуть на коллегу, словно тот оставался равнодушным к опасности. Но с каждой минутой Антон чувствовал все меньше преград и все больше тепла, проливающегося изнутри ко всему тому, что он мог никогда больше не увидеть.

— Сань! — воскликнул он, смеясь. — Саня!

— Чего?! — ответил тот, улыбаясь.

— Ты хоть понял, что произошло?!

— Кажется... — перестал улыбаться Саня. — Да.

«Опель» едва касался дороги, словно парил над блестящим на солнце асфальтовым полотном. Саня все меньше трогал руль и все больше давил на педаль газа, скорость росла с каждой секундой.

— Какое солнце огромное. Я уж и забыл, что оно бывает таким.

Саня и Антон синхронно опустили козырьки, но солнце все равно умудрилось слепить их. Антон закрылся от света рукой, но сквозь пальцы наблюдал за дорогой. Саня расстегнул толстовку.

— А кто бы мог подумать, что такой день выдастся жаркий, а?

— И то верно, — Антон вслед за коллегой снял кофту и кинул куда-то за спину.

Солнце било прямыми лучами под козырьки, Антон глядел по сторонам, чтобы спастись от яркого света, но свет настигал повсюду.

— Ох, глаза режет, как ярко. Сань, ты вообще видишь дорогу?

— С большим трудом, — шурясь, ответил Саня.

— Давай свернем, вон туда, где еще пока виднеется залив...

...Саня взмахнул руками, и поводья ударили о могучую шею гигантского орла. Антона качнуло вправо.

— Саня! Это же тот самый орел из «Властелина колец», помнишь? Они могли прилететь в самом начале, чтобы разрешить все быстро и без жертв, но так и не прилетели.

Друзья парили на огромной высоте, но ветра не было.

— Нет, Антоха, не могли.

— Но почему?

— Потому что тысячам людей надо было пройти определенный путь, чтобы никогда больше не стать прежними.

— А почему он прилетел сейчас?

— Потому что мы еще пока не можем лететь сами, но и по Земле ходить уже нечем.

— Нас все-таки сбил поезд на переезде, да?

— Да.

Орел заложил крутой вираж, приветствуя крылом гладь спокойного океана, уходящего в чистое небо. Саня и Антон крепко прижались к орлиной спине, утонув ногами в мягких перьях.

— Саня! — Антон повернул голову в сторону коллеги и заговорщицки улыбнулся.

— Чего? — повернул Саня голову в сторону Антона, не отрывая рук от орлиных перьев.

— Я всегда боялся высоты! — воскликнул Антон. — Но сейчас мне совсем не страшно!

— Это потому, — поспешил объяснить Саня, — что все страхи жили только в твоей голове, Антоха, в то время как в природе их просто не существует. Стоило тебе избавиться от ума, как страх исчез. Чудно, не правда ли?

— Возьми поводья, Саня.

— Сейчас ты видишь, что страх не часть природы, не часть Вселенной и не часть окружающей нас Вечности. Это всего лишь временные ограничения, которые сдерживают нас по жизни, которые выдуманы самими же людьми и от которых мы можем в любой момент отказаться. Единственное место, где они существуют, — это людские умы, а Вселенная про них и слухом не слыхивала.

— Саня, орел накренился. Хоть с нами уже больше ничего не случится, все равно предлагаю взять поводья.

— Существует лишь свет и любовь, — Саня взял поводья. — Вот скажи, сейчас ты можешь любить? — Саня отпустил поводья и махнул рукой.

— Абсолютно точно. Могу, — Антон задумался. — Я бы сказал, это единственное, что я вообще сейчас могу.

— Вот именно. И при жизни мог. Одна лишь любовь вечна и живет не в голове. Там, где есть любовь, Антоха, страха нет. Представь, что твоя любовь — это огром-

ный орел. И ты паришь на нем на гигантской высоте и ничего не боишься, потому что высота — это и есть вся твоя жизнь, ты даже не видишь земли, поэтому и бояться нечего. — Орел обернулся и подмигнул Антону янтарным глазом. — А теперь представь, что ты выпускаешь в свою жизнь много раздражения, злости и другой гадо-сти. Что будет с твоей любовью?

— Что?

— Она будет, максимум, как голубь или маленький воробушек. Она не в состоянии будет поднять тебя на запредельные высоты, и ты всегда будешь видеть землю под собой и бояться упасть на нее. Но знаешь что?

— Что?

— Любовь все равно есть и в том и в другом случае. Там, где есть любовь, — нет места страху. Любовь — она живет в нас абсолютно всегда. Кому-то до нее ближе, кому-то дальше. Но она всегда есть, как воздух или небо.

Антон посмотрел по сторонам. Вглядываясь в причудливые редкие облака, он пытался осознать слова коллеги.

— А знаешь, что самое замечательное в этом всем? — осенило Антона.

— Что?

— Мне не придется отдавать кредит!

Саня уже давно не управлял орлом. Золотистыми отблесками на горизонте показались очертания земли. Орел стал снижаться кругами, и взору работяг открылись сотни тысяч огоньков, разбросанных по суше.

— Смотри, а это что там такое?

— Судя по надписи «Голливуд» на горе — это Америка.

Антон привстал, чтобы разглядеть получше.

— А почему она с одной «л»?

— А то, что она на русском, тебя не смущает?

Антон лишь пожал плечами и пристально взгляделся в мельтешащие по земле огоньки, переливающиеся всеми доступными человеческой памяти цветами.

— Саня, смотри, — Антон указал пальцем на сушу. — Они там тоже любят друг друга и тоже ждут друг друга с работы домой.

— Да. Прямо как мы.

— И тоже хотят жить счастливо, видишь?

Саня приподнялся, держась одной рукой за плечо Антона.

— Вижу-вижу.

Антон упал обратно в мягкие перья, Саня упал вслед за ним.

— И в них, и в нас все одно и то же. Только у каждого человека все это в разной степени придавлено массой предрассудков и убеждений, Антоха, которые заставляют человека испытывать те или иные эмоции, выдуманные собственным же умом, вместо того чтобы опираться на то, что по-настоящему вечно.

— Саня, скажи честно, ты наслушался диска про нейронные связи?

— Да.

— Ясно.

— Но если бы ты спросил меня о нем тогда, то я бы тебе сказал, что меня жена заставляет.

Антон вновь окинул взглядом бескрайние искрящиеся чувствами дали.

— А если избавиться от этих предрассудков и ограничений, то что останется?

— Останется просто жить, Антоха. Жить просто. И ничего больше.

— А почему в мире сейчас происходит все... все так, как происходит?

— Потому что человечество само себя поставило в такое положение. И по-другому сейчас просто никак.

— И... орлы не прилетят к ним?

— Прилетят, обязательно прилетят, — Саня погладил по голове пернатую громадину, — но пока не время.

— Это ж сколько мы дров наломали... а как бы рассказать это тем, кто жив сейчас?

— Никак. Сами поймут потом, так же как и мы.

— Ясно... знаешь что, а бог с ней, с этой Америкой. Полетели куда-нибудь?

— И то верно. Орел, — Саня похлопал по спине дружелюбного гиганта, — можешь нас унести куда-нибудь, где есть планеты и звезды, где далекие миры близки, а всегда ночное небо усыпано миллионами галактик? Можешь показать нам то, что мы никогда не могли даже представить при жизни?

— Могу, — обернувшись, ответил орел. — Дорогу покажете?

— Ты тоже говоришь по-русски? — удивился Антон.

— Да, здесь все говорят по-русски, — невозмутимо ответил гигант.

— Дорогу подскажет сердце. В путь! — сказал последнее слово Саня.

Орел уносил работяг все дальше. Касался крыльями звезд и планет, играючи обгонял кометы и показывал путникам самые красивые галактики во Вселенной. Бесчисленное множество солнц радостными вспышками приветствовало изумленных странников и огненными лучами заботливо указывало им дальнейший путь. Однажды орел растворился во времени и пространстве, бросив напоследок: «До свидания, работяги, вы знаете, где меня найти». Антон ответил: «Но мы не знаем...» — однако было уже слишком поздно. Саня и Антон долго странствовали в парящем одиночестве бестелесного существования, бродя по самому краю вечности. Но они всегда знали и чувствовали, где находится их родная Земля.

— Слушай голос космоса, Антоха, — сказал Саня, созерцая восхождение новой звезды на небосклоне неизвестной планеты.

— Но он молчит, — ответил Антон.

— Его голос — безмолвие, — сказал Саня и взметнулся ввысь.

С тех пор между Саней и Антоном не прозвучало уже ни единого слова, потому что все было понятно без слов. Безмолвие стало их новой реальностью, заполняя собой все сущее, все пространство и всю Вселенную. И лишь одно только могло его нарушить.

«Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку... Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку...»

— Фух! — Антон вскочил на пассажирском кресле.

— Ишь как тебя разморило! А я тут диск поставил, послушай, может, начнешь на вещи под другим углом смотреть.

— Спасибо, Саня, — выплюнул слова Антон, держась за сердце. — Кажется, уже помогает.

«...Вспомните себя ребенком, тогда в вашей голове не было ни единой преграды...» — доносилось из динамиков.

— Это я под диск твой спал? — глядел Антон на Саню ошалелым взглядом, пытаясь осознать реальность.

— Ага. Будильник-то выключи.

— А мы где вообще?

«...И вы поймете, что в жизни возможно абсолютно все...»

— Где-где. В Комарове. Смотри, красота какая.

Антон поднял спинку кресла и взглянул в окно. «Опель» стоял на краю золотистого пляжа, уходящего в бескрайний морской простор. Теплый бриз гулял сквозь открытые окна, маня земной свежестью. Блестящие волны невозмутимо перекатывались по дружелюбной глади, словно подчиненные чему-то Великому. Антон, постепенно успокаиваясь, дышал глубоко и медленно.

— А ты знал, что Финский залив иногда бывает соленым? — спросил Саня. — Эх, какие волны...

«...И вы ощутите себя на грани вечности...»

— Да ну?

— Ага, когда ветер дует с Балтийского моря. По-моему, это как раз сегодня.

«...Позвольте себе просто Ж...» — Саня ткнул пальцем в магнитоу и вытащил диск.

— И часто ты такое слушаешь?

— Да не... так, жена заставляет.

Антон улыбнулся и взглянул в ясное небо.

— Как думаешь, есть там что-то? — ткнул пальцем в небо Антон.

— Где? — Саня перегнулся через руль в попытках разглядеть что-нибудь.

— Там, в космосе, — вновь ткнул пальцем Антон.

— А... там, наверное, есть. Планеты, галактики, звезды...

— Орлы, безмолвие, — продолжил Антон.

Саня удивленно посмотрел на коллегу, но ничего не сказал.

— Сань, погнали в банк.

— Все-таки ограбить вздумал? — лукаво взглянул Саня на Антона.

— Да не, наоборот, — Антон окинул взглядом солнечный горизонт и вдохнул полной грудью свежий воздух. — Деньги им верну.

— Ха, я ж говорил, кредит! Ладно... Бог с тобой, погнали!

«Опель» уносился вдаль по Приморскому шоссе, оставляя позади безмолвие и запах сосен. Коллеги не проронили на обратном пути ни слова. Вся Вселенная в одночасье поселилась в душе Антона, и лишь одна мысль не давала покоя простому русскому работяге: «Бедный, бедный паучок... вот у кого действительно был хреновый день».